0. Мир.

Он заварил хвойный чай, глядя на белые облачка, срывавшиеся с его губ при каждом выдохе.

Он заранее сделал запас сосновых иголок, вымытых в воде из ручья и высушенных, так что процесс не требовал особых усилий. Сначала он разжёг огонь в стоявшей перед палаткой печке. Потом подвесил над огнём наполненный водой котелок. Усевшись на самодельный складной стул, дождался пока вода закипит, после чего поставил котелок на деревянную подставку и высыпал в кипяток горсть иголок.

У него были точные механические часы, изготовленные дварфами Хребта Курогане, но рыться в вещах и искать их он не собирался. Глядя в закатное небо, он считал про себя и ждал. Когда ему хотелось чая покрепче, он считал до трёхсот. Обычно же – до ста восьмидесяти. Иными словами, он заваривал чай около трёх минут.

Он налил горячую жидкость из котелка в свою любимую деревянную кружку. Чай из высушенной сосновой хвои был почти бесцветным.

Он вдохнул пар. Ноздри защекотал бодрящий аромат хвои, и его бородатое лицо расплылось в невольной улыбке. Он подул на кипяток и отхлебнул. По рту расплылся нежный вкус, горячая жидкость пролилась через горло и живот.

– Чудесно, – тихо сказал он сам себе, смакуя послевкусие.

М-м, хочу ещё. Желание было почти нестерпимым. Наконец он сдался и снова поднёс кружку к губам. Второй глоток был просто восхитителен.

Этот ритуал он повторял каждое утро сразу после пробуждения – если только не шёл дождь. Там, где не было снега, он всегда ставил палатку под открытым небом, так что во время дождя разжечь костёр при всём желании не мог. Роскошь хвойного чая можно было позволить себе лишь когда не шёл дождь. Впрочем, дни, когда полакомиться чаем всё же удавалось, выпадали всё равно чаще.

Он постоянно ловил себя на мысли – такая жизнь вовсе не плоха.

Спешить было некуда. Он вдоволь напился чая и начал решать, чем заняться сегодня. Небо заволокли облака, а воздух был сухим, но в ближайшие три часа, пожалуй, дождь всё же не пойдёт. Для этого времени года, когда с каждым днём всё ближе подступала зима, было не так уж и холодно.

Может порыбачить? Попробовать наловить рыбы в горном ручье, пожалуй, не такая уж плохая идея. Запасов достаточно, так что можно особо не напрягаться – всё будет в порядке, неважно, повезёт что-нибудь поймать или нет.

Он будет делать что хочет, когда хочет, как хочет и столько, сколько захочет. Такая жизнь как раз по его вкусу.

Ради такой жизни он в своё время решил умыть руки и бросить службу в добровольческом корпусе. Возможно это ещё не входило в его планы, когда он после некоторых обстоятельств решил сменить профессию и стать Охотником, но смена гильдии определённо стала первым шагом. Он всегда хотел жить вот такой жизнью.

Теперь, когда его мечта исполнена, он совершенно счастлив. Теперь он уже едва помнит лица своих товарищей. Где они сейчас, что делают? Всё ли у них хорошо?

Не то чтобы ему была совершенно безразлична их судьба. Если его бывшие товарищи всё ещё живы, то возможно когда-нибудь они встретятся снова. Но если бы кто-то спросил, хочет ли он встретить их снова, ответом было бы «нет».

По правде говоря, решиться было нелегко. Чтобы обрести свободу, нужно остаться одному.

Единственным поводом для тревоги был вопрос, удастся ли выдержать одиночество. Время от времени случались ночи, когда он чувствовал невыносимую тоску по обществу других людей, но со временем ему удалось научиться справляться с этими приступами. Теперь периоды раздирающего душу одиночества никогда не длились долго. Чувство постепенно, мало-помалу становилось всё сильнее, но по достижении определённого предела резко пропадало. Кроме того, одиночество не смертельно, это не голод и не сонливость. Одиночество – это одиночество и ничего больше. Как только на глаза начинали наворачиваться слёзы, всё заканчивалось. Слёзы могли смыть любые его страдания.

Он подчиняется лишь себе и природе, и никогда не думает о ненужных вещах. Такой образ жизни он не согласится променять ни на что.

Поднявшись на ноги, он сложил сиденье и решил: пора прогуляться. Бывают местности с особо выдающимся пейзажем, вроде Равнин Быстрого Ветра, Пустыни Нэхи или Плато Наргия, но горы завораживают всегда, неважно, где именно окажешься. Крупные горные хребты вроде гор Тенрю, Куарон, Ринсторм или Курогане, конечно, поражают воображение, но даже у небольших гор есть свой шарм.

Каждая прогулка приносила ему новые открытия, попросту не оставляя ему времени скучать. Впрочем, даже если ему наскучит, он всегда может отправиться в новое путешествие. Мир обширен. Вряд ли он увидит каждый его уголок даже за всю свою жизнь.

Он собрал вещи, покинул свой лагерь и направился по звериной тропе через подлесок.

Он вовсе не был беспечен. Едва его носа коснулся сильный запах зверя, он принялся озираться.

Раздался шум. Что-то шуршало травой, неслось по лесу. Спереди, слева.

Не успею, не сбежать, не защититься – пронеслось в голове.

Кто нападает? У него было предположение. Эта вонь. Должно быть медведь.

Он успел закрыть руками лицо, прежде чем хищник навалился на него. Медведи первым делом вцепляются в лицо, он знает это по опыту. Зверь подмял его под себя, одновременно вгрызаясь в левую руку.

Рука потеряна. Он, сразу осознав это, ткнул изувеченную кисть в пасть медведя. Тот, ощутив во рту посторонний предмет, заревел и попытался ударить обеими лапами сверху вниз.

Довольно крупный, наверное метра три, если встанет на задние лапы. Один удар его лапы может разорвать плоть и переломать кости. Понимая это, он отчаянно вцепился в зверя.

Зарылся лицом в вонючий мех, по-прежнему погружая левую руку в пасть, обхватил правой за

шею медведя, прижимаясь к нему вплотную. Когти погрузились в левое плечо, затем в правый бок. Если зверь сбросит его – всё кончено.

Он погрузил указательный и средний палец правой руки в левый глаз медведя. Зверь заревел от боли, бешено замахал лапами. Когти рвали тело, но он не чувствовал боли.

Сражаться.

Нужно сражаться.

Он заорал, отказываясь признавать поражение, словно пытаясь перекричать рёв медведя. Ткнул остатками левой руки вглубь глотки медведя, заколотил по морде кулаком. Он колотил как сумасшедший.

Внезапно он ощутил, что летит. Видимо, медведь резко извернулся и сбросил его с себя.

В полёте он выхватил нож.

Краем глаза он заметил, как медведь заносит лапу. Всё тело болело. Он что-то сломал? Не понять.

От удара всё вокруг померкло на мгновение. Всего на мгновение.

Медведь возвышался прямо над ним, прижимая к земле. Пытаясь хоть как-то защитить лицо и горло тем, что осталось от левой руки, он бешено замахал ножом. Попытался также поднять ноги, чтобы защитить живот, но почему-то не получалось.

У медведя, видимо, появился какой-то план – он поднялся на задние лапы. Плохо. Его жуткие когти несутся вниз.

Увернуться.

Он перекатился вправо, но полностью уйти от удара не смог. Пока он перекатывался, мощный удар практически размозжил его левое плечо.

Он пополз, пытаясь убраться прочь. Нет, ничего не выйдет. Зверь схватил его.

Он вцепился в меня? Не могу дышать. Медведь рванул его зубами.

Левый бок. Одежда из кожи ничем не спасла – медведь пожирал его. Буквально. Пожирал его плоть.

– Гя-а-а-а-а-а-а! – он не сдержал крика боли и отчаяния. Но всё же не упустил шанс ударить отвлекшегося хищника.

Изогнувшись всем телом, он перехватил нож обратным хватом и ударил зверя в правый глаз. Вонзить оружие глубоко не вышло, но он сумел повредить глазное яблоко. Левый глаз медведя уже повреждён, теперь он не сможет как следует видеть обоими глазами. Медведь жалобно завизжал и отпрянул.

В подобных ситуациях дикие звери не мешкают. Медведь развернулся и побежал. Он удирает.

– Какого…

Он закашлялся. Все тело терзала боль. Он продолжал сжимать рукоять ножа – медведь может вернуться. Хотя нет, вряд ли. Во всяком случае, не прямо сейчас. Кроме того, вряд ли снова удастся его отогнать, с ножом или без.

Он закрыл глаза. Вот бы кашель унялся. Открыл рот, надеясь, что дышать станет хоть чуть легче. Впрочем, непохоже, что это хоть как-то помогло. Попытаться пошевелиться было слишком опасно.

Он чувствовал страх. Насколько тяжелы его раны, и что именно повреждено? Он не хотел даже знать.

Что ж, ощутил он, ничем хорошим это не закончится. Скорее всего раны настолько серьёзны, что он до сих пор жив лишь чудом. Это он хорошо понимал, просто старался удержать свой разум от оценки положения.

Разочарование.

Отчаяние.

Сожаление.

Стыд.

Я – ничтожество. Ну что я за идиот?

Но уже ничего не поделать. Также он ощущал и смирение. Вот что значит одинокая жизнь в глуши.

Обычно медведи ведут ночной образ жизни – за исключением этого времени года, когда они готовятся к зимней спячке. И ведь он это знал, и был настороже. Медведь, со своей стороны, вряд ли охотился на человека. Они охотятся на оленей, молодых ганару, пеби, крыс, рыб, а также едят фрукты. Скорее всего медведь, неожиданно наткнувшись на человека, испугался и набросился на него инстинктивно.

И теперь он изувечен, да и медведь получил очень неприятные раны. Эта схватка была крайне неудачна для обоих.

Когда покидаешь цивилизацию, чтобы жить в одиночестве, вне городских стен, нечто подобное может произойти в любой момент. Он предполагал, что всё может кончиться так, когда решил уйти от людей. Да, ему могло и повезти, он мог умереть и своей смертью, но вышло так как вышло. Вот и всё.

К счастью, похоже, смерть пока не спешит забрать его. Он открыл глаза. Впрочем, заставить себя посмотреть на раны он всё же не смог. Удастся ли двинуться?

Он попробовал перекатиться на живот. С левой рукой покончено, а ноги ослабли, но правая рука в порядке. Получилось.

– Так, а теперь…

А теперь немного весёлого ползания. Полагаться приходилось лишь на правую руку, так что каждый метр отнимал больше, чем половина минуты. Сверх того приходилось часто делать паузы, чтобы отдохнуть. Боль не отступала. Скорее всего, очень скоро сил продолжать не

останется.

– Ну, будь что будет…

Он просто продвинется так далеко, как сможет. Этому его научила жизнь в добровольческом корпусе. Делать всё, что в твоих силах, во что бы то ни стало. Это всё, что ты в принципе можешь сделать.

Он сосредоточился на том, чтобы передвинуться ещё хоть чуть-чуть вперёд – а может просто не хотел думать. Он был готов, но теперь, перед лицом неизбежной смерти, ему было о чём пожалеть. А жалеть о чём-либо он не хотел. Сейчас уже ничего не исправить.

В его жизни далеко не всё шло по плану, но он жил так, как хотел. Теперь избранная им самим жизнь просто подходит к концу – вот как он предпочитал на это смотреть. Вспоминать товарищей, с которыми расстался, он, например, не хотел.

Я должен был сделать то. Я должен был сделать это. Можно было бы поступить не так. Заглядывая в прошлое, он рискует с головой погрузиться в сожаления.

Он ведь всё равно умрёт. Лучше уж умереть с верой в то, что все свои выборы сделал верно.

Смерть не пугала. Он уже терял товарищей, видел, как они погибают. Он полагал, что уже знает, что такое смерть.

Мёртвые не возвращаются. Они остаются лишь в воспоминаниях живых. Если никто не вспомнит про них, мёртвые исчезнут окончательно.

Разумеется, он тяжело переживал смерти близких. Временами ему казалось, что он утратил какую-то часть самого себя. Время могло притупить скорбь, но каждый раз, вспоминая ушедшего друга, он чувствовал, как что-то словно сдавливает грудь.

Я хочу снова увидеть их. Почему нельзя? – думал он. Этот мир жесток.

– Но в моём случае никто ничего не потеряет… – пробормотал он.

Так ли это?

Это и есть та причина, по которой он решил расстаться с товарищами и жить в одиночестве?

Нет, во всяком случае – не только. Он хотел избавиться от всего, что его тяготило, жить свободно и независимо. Он хотел жить лишь ради себя.

В обмен на осуществление своего желания он должен был отказаться от общества других. Не создавать другим проблем.

Ему всего хватало.

Ему было хорошо одному.

Он ни в чём не нуждался.

Он жил один, а теперь умрёт один.

Разве это не тот идеал, к которому он стремился?

Наконец, к собственному удивлению, он добрался до лагеря.

Прибыв сюда, он поставил палатку на открытом месте, откуда открывался хороший вид. Собрал очаг, разложил кухонную утварь, поставил складной стульчик. Ему нравилось скрупулёзно организовывать свои удобства. А после, любуясь прекрасным видом во время приготовления пищи, в полную силу ощущать, до чего же прекрасна жизнь.

Какой же скучный и ничтожный я человек, – усмехнулся он.

Ну и ладно. Это ведь правда.

Он привалился к очагу. Из этой позы он не видел ни гор, ни раскинувшейся внизу долины. Но он видел небо, бескрайнее, раскинувшееся над головой небо, и несмотря на пронизывающую всё тело мучительную боль, ему стало чуть легче.

Здесь не так уж плохо. Здесь я и умру. Это хороший конец.

– Так ведь?.. – пробормотал он.

И кого я спрашиваю? – усмехнулся он. Здесь никого нет. Скоро я умру, а потом дикие звери придут и пожрут мои останки. Надеюсь, они сделают своё дело до того, как подействует проклятие Бессмертного Короля.

Ну впрочем, даже если всё закончится не так хорошо, я ведь уже буду мёртв. Какое мне дело? Здесь я могу просто тихо уйти.

Так лучше. Гораздо лучше, чем снова видеть, как умирает кто-то из товарищей.

Он ненавидел это чувство и не хотел снова его испытать.

Если бы он продолжал жить среди людей, пусть даже не солдат добровольческого корпуса, то наверняка уже успел бы потерять ещё кого-то. Люди, как все живые существа, рано или поздно неизбежно умирают.

Умереть.

Что это – умереть?

Умереть – это просто… И неизбежно…

– Эй, задрот.

Прошло уже некоторое время с тех пор, как кто-то называл меня так. Собственно, так долго, что я успел забыть о том, что меня так называли.

Кинсбург. Не тот, что в Нью-Джерси. Колорадо.

В посёлке с населением в тысячу человек все друг друга знают, так что я, как отаку, был тут не просто меньшинством – я был вымирающим видом, и это чертовски осложняло жизнь.

Я был отаку столько, сколько себя помню, и в какой-то момент меня начали звать «задрот». Все дети в округе презирали меня, и мне оставалось лишь вести себя подобно цепляющемуся к одежде жуку и пытаться невзначай влиться в их общество.

Я ненавидел самого себя за это и возможно было бы лучше, если бы меня избегали и отвергали. Но для них я был чем-то вроде таракана, не заслуживающего даже издевательств.

Что ж, я и сам понимал собственную никчёмность. В бога я тоже не верил – отчасти из-за влияния отца, алкоголика и атеиста. Спасения не будет. Я жил с отчётливым осознанием того факта, что и этот город, и эта страна, и вообще все однажды просто умрут, и был по крайней мере на треть серьёзен в своих убеждениях.

Но в то же время я определённо был прирождённым отаку. Однажды в интернете я наткнулся на японское аниме, а после начал читать мангу.

У меня появилась мечта. Я хотел побывать в Японии. Да, бога нет, и небес нет, но в Японии меня ждёт рай. Мечта помогла мне стать сильнее.

– Эй, задрот.

Это был Мэтт, ухмыляющийся во всю свою красную прыщавую рожу здоровяк. Он дразнил меня уже больше пяти лет, но на этот раз я не выдержал. Я сорвался и бросился на него. Мэтт, не ожидавший ничего подобного, не успел защититься. Я повалил его, оседлал и принялся колотить по лицу.

К тому времени я стал храбрее, но моё тело не успело окрепнуть подобно духу. Моим ударам недоставало силы, и Мэтт, опомнившись, с лёгкостью освободился. Теперь уже он принялся колотить меня, и его удары были несравненно крепче. Но я не просил пощады. Я защищался изо всех сил, крепко стиснул зубы и держался.

Наконец кулаки Мэтта, судя по всему, начали болеть и он ушёл, осыпая меня ругательствами.

Кинсбург.

Я лежал один на обочине улицы Южных Сосен, напевая себе под нос победную песенку. Я отаку, но я не слабак. И не дурак. Я стану сильнее, я исполню свою мечту.

Как давно это было?

Как я очутился здесь?

Исполнилась ли моя мечта?

О да. Я выучил японский язык. В основном по аниме и манге. А ещё по песням из аниме и джей-попу. Потом я читал лайт-новеллы, и ходил на курсы.

Изначально технические предметы давались мне лучше, но после изучения японского я обрёл вкус и к гуманитарным наукам. Я занимался бегом и физкультурой. Мне никогда не удалось бы стать таким же как Мэтт, но и я мог похвастаться мускулами.

Я не пользовался популярностью у девушек. Да и вообще ни у кого. Никто не хотел иметь со мной никаких дел.

Но я вытерпел одиночество, и наконец ступил на землю Японии как ученик по обмену. Я жил там примерно год. И весь этот год в моей голове крутилась мысль – вот бы мне не нужно было возвращаться.

Почему я не родился здесь? Ведь эта страна так хорошо мне подходит.

Разумеется, я оставался отаку, но японцев это скорее располагало ко мне, чем отталкивало. В принимающей меня семье, Хазаки, я ощущал ту родственную теплоту, какую никогда не получал от настоящих родственников. В японской старшей школе, месте, куда я всегда мечтал попасть, я в первый раз в жизни сумел завести друзей.

И найти любовь. Её звали Сацки, она тоже училась в этой школе. Да-да, мою девушку звали точно так же, как ту девочку из «Мой сосед Тоторо». Мы с Сацки ходили на свидания, держась за руки. Гуляли по берегу реки, через мосты, заходили в книжные магазины, сидели на скамейках в парке.

– Ты так хорошо говоришь по-японски, Джесси, – всегда говорила она, – Как будто родился здесь.

Мне казалось, что я в раю. Да, я не верю в бога, но если бы он существовал и отправил меня в рай, то рай наверняка оказался бы именно таким.

Однажды я поцеловал Сацки. Легонько, мы только соприкоснулись губами. И всё. Я не решился на что-то большее.

Ну, в смысле, мне ведь придётся уехать, я не смогу остаться с ней. Был ли этот поцелуй первым и для неё? Я бы никогда не набрался храбрости спросить.

Ну, то есть даже если нет, какая разница? Что, если бы я был у неё вторым или третьим, разве мне было бы легче? Решился бы я зайти дальше, может даже заняться сексом?

Нет, конечно. Я по-настоящему любил Сацки. И, каким бы наивным это сейчас не казалось, хотел любить её чистой и честной любовью, не изменяя своим идеалам.

Конечно же я желал её. После наших свиданий я чувствовал почти невыносимое вожделение, но не хотел использовать Сацки для удовлетворения своей похоти. Даже когда я вернусь домой у нас будет интернет, так что мы как-нибудь справимся. Отношения на расстоянии вовсе не обязательно провалятся.

И всё же поверить в это было тяжело. Одно дело, если бы я остался в стране и смог бы, например, добираться до неё на поезде, но нас разделит необъятный Тихий Океан. При здравом размышлении было очевидно, что у нас ничего не выйдет.

«Я не против отношений на расстоянии», – сказала мне Сацки, когда пришло время уезжать.

Я лишь повторял снова и снова что люблю её. Я и правда так думал. Но причинить ей боль, сказать, что мы расстаёмся, не мог. Больно стало бы и мне, и этого я тоже не хотел.

Некоторое время после того как я уехал домой мы общались по интернету, но наши несколько видеозвонков в день постепенно стали одним, а после – одним звонком в несколько дней.

Наконец, однажды Сацки сказала: «Джесси, по-моему ты в последнее время стал каким-то холодным». А когда я извинился – накричала на меня.

Вот и всё. Наверное, она встретила другого. Уже какое-то время я начал подозревать, но спрашивать не намеревался. Я всё ещё любил Сацки, и именно поэтому не хотел становиться обузой. Я желал для неё счастья больше чем для кого бы то ни было.

Меня не было с ней рядом, я не мог даже держать её за руку. Поэтому, всё к лучшему –

повторял я себе снова и снова.

Впрочем, я всё равно собирался вернуться в Японию. У меня не было отвращения к родной стране – просто она мне не подходила. На родине я чувствовал себя чужаком. Мои родители казались мне совершенно посторонними людьми. Как будто я родился где-то далеко, а в этой стране и в семье этих людей вырос по какой-то странной ошибке.

То есть как ни посмотри на меня, но я просто белый парень, выросший в крошечном американском городишке, таком как Кинсбург, чья семья была может и не самой благополучной, но сравнительно нормальной, хорошо учился, смог поступить в приличную старшую школу и ходить в не самый плохой университет.

Но это всё ложь. Это не настоящий я. Вряд ли кто-то сможет это понять, но я понимаю.

Я не смогу быть счастливым здесь. А в Японии я буду самим собой. Жить как хочу, и даже если не удастся всё исправить с Сацки, найти прекрасную девушку, и возможно даже создать с ней семью.

И когда придёт это время, я наверняка наконец сумею почувствовать любовь к родителям. В конце концов, это они привели меня в этот мир, а остальное неважно. Я буду благодарен им, буду хорошим сыном.

Иначе говоря, всё будет хорошо. Всё обернётся к лучшему. У меня не было сомнений. За проведённый в Японии год моя уверенность окрепла.

Так что во время учёбы в университете я как мог копил деньги – и законными способами, и чуть менее законными. И когда собрал достаточно, чтобы жить в Японии несколько месяцев, моё терпение истекло.

Я взял академический отпуск в университете, купил билет на самолёт из Денверского международного аэропорта в Сиэтл, а оттуда – в Нариту.

Наконец-то я вернулся в Японию. Счастье и облегчение. Вот что я чувствовал.

– Но почему?.. Грим… гар…

Странно.

Я же был в Японии.

По крайней мере, должен был.

Я зарабатывал там деньги, призвав на помощь полученные во время учёбы в университете знания, и продолжал свою жизнь отаку.

Я нашёл друзей. Не только среди отаку. У меня появились и обычные друзья.

В Роппонги я бывал редко, но зато Накано, Синдзюку и Акихабару изучил как свои пять пальцев. То время, которое я мог позволить себе провести в Японии, мало-помалу увеличивалось, и я начал думать, как организовать переезд.

Для начала не стоит бросать университет. Также, наверное, стоит объяснить всё родителям. Мне придётся на какое-то время вернуться домой, и эта мысль меня терзала. Но просто остаться в Японии я не мог.

Всё будет намного проще, если я найду нормальную работу. И у меня уже были намётки. Возможно мне самому неправильно это говорить, но я умён. Я был довольно талантлив. Пусть я ни в чём не был лучшим, но всегда справлялся лучше большинства. Я бы справился.

Так что… я был в Японии.

Должен был… так почему?

Как я попал в Гримгар?

Он не помнил, как очутился в Гримгаре.

Красная луна. Луна была красной, и это поразило его.

Но что случилось?

Плохо. Ничего не помню. Как бы то ни было, это не Япония. Это Гримгар. Или всё это был сон?

Какое-то время назад он закрыл глаза, но теперь снова открыл их. Сквозь прорехи в облаках проглядывало бледно-голубое небо. Не токийское небо.

Токио. Верно. Я был в Токио, в этом сомнений нет. Но сейчас я в горах. Одна из Семи Гор, с этими их характерными пиками. У их подножия – Расколотая Долина, где живут серые эльфы. Да. Это Гримгар.

Он отчётливо помнил лица всех своих товарищей, с которыми повстречался и расстался здесь. И точно так же, ярко и отчётливо помнил лицо Сацки и своих японских друзей.

Странно.

Всё это время он не помнил о них.

Что случилось?

Как это произошло?

Впрочем, неважно. Почему я всё ещё дышу? Я ведь уже даже боли не чувствую. Я умираю…

Умираю.

Я умру? Вот бы увидеть Сацки. Хотя, это же глупо. Сколько лет прошло с тех пор, как мы с ней виделись в последний раз? Подступающая смерть, похоже, сводит с ума. Хотя нет, сознание поразительно ясное. Вряд ли я смогу пошевелить даже пальцем, и веки полузакрыты. Я наверняка скоро умру. И всё же – умру? Вот это смерть?

Странно. Он ожидал, что его сущность будет истончаться, что сознание будет уплывать от него, чувства и мысли истаивать, пока не останется ничего. Такой он ожидал встретить медленную смерть. Но на самом деле она не такая? Это смерть?

Я умру.

Теперь это может произойти в любой момент.

Ещё нет?

Так когда же, если не сейчас? Ну же, скорее.

Сколько мне ещё сидеть вот так и ждать смерти?

Что-нибудь другое.

Да. Думать о чём-то ещё. Хватит о смерти.

Неизбежность. Вот чем страшна смерть. Он знал по собственному опыту. Но тут ничего не поделать. Если бояться, то и будет страшно. Надо как-то отвлечься.

Гримгар.

Что это за место? Это какой-то другой… Другой мир? Или где-то на Земле? Нет, вряд ли где-то на Земле ещё могла оставаться настолько обширная неизведанная территория. Значит, это не Земля. Другая планета? Первую экзопланету открыли в 1995 году. С тех пор их нашли довольно много. Некоторые даже в обитаемой зоне, на них теоретически может быть жизнь, но все – очень далеко. Если только, как в какой-нибудь научной фантастике, не придумают способ передвигаться быстрее света, до других планет добраться невозможно. Короче говоря, теория об иной планете нереалистична.

Реализм?

В Гримгаре есть магия. Говорят, даже боги. Это место само по себе нереалистично.

А значит…

Это не реальность?..

Это и правда сон?

Невозможно. Ни один сон не может длиться так долго, быть таким непротиворечивым, подробным, воздействовать на все органы чувств, быть таким неконкретным и вместе с тем глубоким. Это не сон. Это, несомненно, реальность.

И всё же, между Токио и Гримгаром нет связи. Между ними зияет бездонная пропасть.

Это другой мир. Параллельный, как в теории параллельных вселенных? Какой-то феномен перенёс его в один из этих ненаблюдаемых параллельных миров?

Глупости. Да, можно представить себе, что именно с ним произошло подобное событие с бесконечно малой вероятностью. Но ведь большинство солдат добровольческого корпуса Ортаны тоже чужие в этом мире.

Значит, это реальность.

Реальность.

Но что, если всё-таки нет?

Он думал, что это реальность, и поэтому поверил в реальность происходящего. Но что если сам мир, на примере которого он определяет реальность, нереален?

Его внезапно посетила идея.

Гипотеза симуляции.

Если разумные существа, например люди, изобретут компьютеры, и наступит такой момент, когда технологический прогресс позволит создать в компьютере симуляцию вселенной, то крайне высок шанс, что такая симуляция в самом деле будет создана. Далее, если человечество внутри этой симуляции в свою очередь достигнет уровня развития, позволяющего создать симуляцию вселенной, то будет создана симуляция внутри симуляции. Внутри которой тоже со временем будет создана симуляция.

Эти модели будут симулировать целую вселенную, так что каждая отдельно взятая личность в этой симуляции будет вести себя так, словно существует на самом деле. Люди, живущие в этой модели, вряд ли смогут понять, что находятся внутри симуляции. Даже если у них возникнут подозрения, принципиальной возможности доказать, что мир нереален, не существует.

Разумеется, есть также вероятность, что он живёт не в симуляции, а в единственном оригинальном мире. Но если существует возможность создать модель вселенной, то разумно предположить, что будет создана не одна симуляция, а много. Из этого логически следует, что будет создано бесконечное множество симуляций, одна внутри другой. Реальный же мир один.

Итак, живёт он внутри симуляции или в реальности? Бесконечность или один?

Конечно же, шанс на то, что он живёт в симуляции, неизмеримо выше.

Эту теорию высказал какой-то швед – он забыл, как его звали. Он прочёл об этом в книге, наверное. Тогда он подумал – «Ха, а в этом что-то есть», но не воспринял серьёзно. В конце концов, реальность, которую он непосредственно воспринимал, была намного важнее, а необходимый уровень технологий для создания такой симуляции казался настолько высок, что ему не верилось даже в возможность создать симуляцию единственного человека. Симуляция вселенной невозможна. По крайней мере, была невозможна тогда.

Но время не стояло на месте.

ЭНИАК, который называли первым компьютером, создали в 1946 году. За несколько последующих десятилетий прогресс совершил огромный скачок.

А раз так, что будет век спустя? А тысячу лет спустя? Если человечество не погибнет, то однажды, несомненно, сможет создать симуляцию вселенной. А раз этот момент обязательно однажды придёт, то гипотеза симуляции – это не просто гипотеза.

Например, представим Симулированный Мир А. Предположим, что внутри него есть Симуляция Б, которую запустили несколько раз, а внутри Б – Симуляция В, которую тоже запустили несколько раз. Но что, если в результате какого-то сбоя жители Б попали в В?..

Даже если всё именно так, люди, живущие в симуляции, никак не смогут доказать свою теорию. Однако, по сравнению с теорией о том, что человек мог из Токио, из Японии на Земле в реальном мире «Икс», попасть в Ортану, в Гримгаре в реальном мире «Игрек», эту принять гораздо легче.

Симуляция. Симуляция, значит?

Он живёт в симуляции внутри симуляции. При этой мысли его жизнь внезапно показалась ему неизмеримо банальной.

Пустой.

И всё же, он верил, что всё именно так, и что не существует никакого ада или рая – они просто невозможны с научной точки зрения. Хотя, может быть, загробный мир тоже входит в модель. А значит, смерть – это не конец, а просто путешествие в новый мир.

Как бы то ни было, всё это лишь симуляция.

– Кто-нибудь… Смотрит?.. – пробормотал он.

– Да, смотрю.

Ему ответили.

Не может быть.

Он не мог пошевелить головой. Попробовал найти говорившего глазами.

Вон там.

У ног.

На корточках.

Незнакомец был в капюшоне, так что он не видел лица, но, скорее всего, это женщина. Во всяком случае, голос скорее женский. Она говорила на всеобщем языке Гримгара, том, на котором говорят люди, эльфы и дварфы. Кстати, почему всеобщий язык Гримгара японский? А вот язык нежити, если подумать, очень похож на английский.

– Наверное, это неважно… – пробормотал он, – Всё равно…

– Ты говорил о довольно интересных вещах, – заметила женщина.

– Го… ворил?.. Кто?..

– Ты.

– Я… говорил… вслух?.. О. Не думал… Что тут кто-то… есть. Думал… я один.

– Это медведь тебя подрал?

– М-м… – даже простой кивок, казалось, сократил оставшуюся ему жизнь.

Хотя, и что с того. Осталось всё равно недолго. Десять минут, или пять, или минута, или тридцать секунд – разницы уже никакой.

Кроме того, его жизнь почти наверняка всего лишь симуляция, так что глупо даже думать о жизни и смерти. И то и другое бессмысленно.

Здесь всё поддельное.

Всё это глупо и смехотворно.

Вот бы уже умереть.

Исчезнуть.

– Я посчитала, что медведь слишком опасен, чтобы оставлять его в покое, и добила его, – сказала женщина, – Думаю, это он сделал это с тобой.

– Да?

– Что-то не так?

Да нет, ничего.

Ничего.

Уже ничего не сделать.

Подумать только, на пороге смерти он почувствовал это.

– Ты плачешь? – спросила женщина.

Вполне возможно.

Он не хотел это осознавать.

Он хотел умереть, ничего не зная.

Это было бы проще. Почему всё закончилось вот так?

Как бы то ни было, он перенёсся из Токио в Японии в Гримгар. Когда это произошло, он забыл почти всё о том мире. Пожалуй, это можно объяснить как то, что кто-то сжалился над ним.

Ему не нужно было знать. Лучше было бы не знать. Не нужно было об этом думать. О том, реальный ли это мир или симуляция.

По случайности или предопределённости он – это единственная жизнь, единственное человеческое существо. Он прожил бы свою жизнь – иногда с усердием, иногда с ленью, а иногда с отчаянием – и в своё время умер.

Есть те, кого восхваляют как героев, есть те, кого презирают как трусов, и есть те, над кем насмехаются. Есть те, кто любит других и несёт им счастье, а есть отбросы, которые крадут и причиняют другим боль. Бывают даже те, кто временами добродетелен, а временами пачкает руки злодейством. Но все жизни – будь они мелочны или велики – уникальны, и каждая из них ценна.

Во всяком случае, для самих людей жизнь одна и только одна.

Лучше было бы умереть, веря в это.

Он хотел бы, если бы мог.

Но больше не может.

– Ты не хочешь умирать? – спросила женщина.

У него уже не оставалось сил на ответ. Но, если бы мог, он сказал бы. Прокричал бы, вложив в

ответ всю душу.

ДА! – прокричал бы он. Я не хочу умирать.

Он считал, что давным-давно приготовился к смерти, но теперь стало похоже, что все те приготовления были никчёмны. Он не хочет умирать вот так.

Я знаю. Хочу я или нет, я умру. Выхода нет.

Но я не хочу.

Хочу ли я ещё пожить? Я не знаю. Но умирать с этим чувством я не хочу.

– Способ есть. Всего один, – раздался откуда-то голос женщины.

Откуда-то издалека.

Нет, вряд ли это так. Он, скорее всего, уходит сам.

Он больше ничего не видел.

Он умирает.

– Ты, похоже, знаешь кое-какие весьма интересные вещи, так что я предпочла бы, чтобы ты не умер вот так, – сказала женщина, – Хорошо бы узнать хотя бы твоё имя, но это может подождать.

И добавила:

– Ну, увидимся.

http://tl.rulate.ru/book/94792/3236370